

*И. Битюгова***Неопубликованное письмо Ф. М. Достоевского**

Русская литература, N 4, 1961.

[OCR Бычков М.Н.](#)

Письмо Ф. М. Достоевского из Эмса от 23 июля/4 августа 1876 года, машинописную копию которого удалось обнаружить в архиве Института русской литературы (фонд 98), до сих пор не было известно: не попало оно ни в одно из изданий писем Достоевского, не числится и в описании его рукописного наследия.

Написанное в характерном для отношений Достоевского с адресатом интимно-дружеском плане, это письмо раскрывает мысли и настроения писателя периода пребывания его за границей летом (июль-август) 1876 года, воспроизводит одну из еще не прочитанных страничек его биографии.

Нити к этому письму идут от опубликованных в "Звеньях" (1932, вып. 1) воспоминаний "О Ф. М. Достоевском" Е. П. Летковой-Султановой, передовой, демократически настроенной общественной деятельницы и писательницы конца XIX-начала XX века. Леткова упоминает в заключительной части своих мемуаров о том, что в 1920 году к ней как к работнику Дома литераторов (в Петрограде) "одна дама из б. большого света, Л. В. Г.", принесла случайно уцелевшее у нее письмо Ф. М. Достоевского, которое должно было быть напечатано в издаваемом в то время журнале "Летопись". Здесь же приводится письменный рассказ Л. В. Г-ной (как далее называет адресатку Леткова) о ее знакомстве с Ф. М. Достоевским в 1875 году.

По словам Л. В. Г-ной, она познакомилась с Достоевским "в середине сентября 1875 года", когда она по совету С. П. Боткина, известного профессора Военно-медицинской академии, "начала лечиться у д-ра Симонова сгущенным воздухом".

"Надо было сидеть два часа под колоколом с герметически закрытой дверью, - пишет Л. В. Г-на. - На первом же сеансе я начала оглядывать всех с нами находящихся и увидела рядом со мною, с правой стороны, человека с очень бледным, т. е. желтым, лицом, очень болезненным; он сидел согнувшись в кресле, с "Русским вестником" в руках, и как бы весь ушел в интересное чтение, не обращая никакого внимания на окружающих. Когда машина загудела очень шумно и дверь закрылась так, что уже ее никакими силами нельзя было открыть, мой сосед справа, не меняя своего положения в кресле, повернул немного голову в мою сторону и, глядя на меня через стекла очков или пенсне (не помню), сказал мне не без иронии:

- Сударыня. Я слышу, что вы очень нервны, за вас все волнуются... так я должен вам сказать, что я эпилептик, что припадки падучей у меня очень часты...

И он так сильно закашлялся, что я с минуту не могла ничего ответить ему; потом, наконец, сказала:

- Ну, бог даст, ничего с вами не будет, и, во всяком случае, можно ли говорить о каком-то испуге и как это может отразиться на мне... Скажите лучше, чем и как вам помочь, если "это" случится...

Он приподнялся, сложил книгу и громко, совсем другим голосом сказал, осматривая меня с головы до ног:

- Ах, вот вы какая".

Далее Л. В. Г-на рассказывает, как на следующем сеансе она неожиданно узнала, что ее собеседник - Ф. М. Достоевский. Постепенно от сеанса к сеансу беседы их становились все более оживленными, а отношения дружескими. Однажды Л. В. предложила: "Пойдемте ко мне пить чай. ... И он пришел. И стал приходить ежедневно; а когда он читал где-нибудь, то я обязательно должна была ехать туда и сидеть в первом ряду. Ко мне он приходил всегда с какой-нибудь книгой и читал вслух. Так он прочел мне "Анну Каренину", делал свои замечания, обращая внимание на то или другое выражение Толстого. "Каждый писатель, - говорил он, - вводит в литературу не только свои выражения, но и свои слова".

Обыкновенно чтение его кончалось сильным приступом кашля, и я отнимала у него книгу. Я больше любила слушать его рассказы; с искренним интересом следила я за каждым его словом. Помню, как он говорил, что его раздражительность дома доходит до того, что он не может работать. Помню, как он рассказал мне про студенческие кружки, про тот день, когда его арестовали; помню, как настойчиво просил познакомить его с моими родителями, говоря, что это очень важно для познания меня... В 1876 г.